звал «Вивлиофику», «Детское чтение», а о «Живописце» вспомнил лишь в связи с тем, что в нем принимала участие Екатерина II.[26] Не случайно Карамзин всегда находит недостатки в сатирических произведениях. «Гадкие описания», нелепости он видит в «Гаргантюа и Пантагрюэле» (5, 63), остроумным и безобразным романом называет вольтеровского «Кандида» (5, 293), «Женитьбу Фигаро» — странной комедией (4, 150), самым остроумным и самым противным произведением — «Оперу нищих» Гея и т. д. Избежал порицания только Свифт, и то, вероятно, лишь потому, что автор «Писем русского путешественника» не понял «Путешествия Гулливера».[27]

В начале XIX в. Карамзин пересматривает свои позиции, делает попытку расширить тематику искусства путем обращения к истории, печатает в «Вестнике Европы» публицистические и даже сатирические статьи. Самыми интересными являются его выпады против... сентиментализма. Так, среди «Выписок из английских журналов» напечатана рецензия на новую поэму Делиля и сборник его стихов. Признавая дарование французского поэта, рецензент отмечает повторения, однообразие мыслей, чувств, образов. «Беспрестанно „la pitié s'enfuit en pleurs" и нет фразы, в которой не было бы „douleurs, larmes, malheurs". Талант не всегда побеждает трудность предмета; не всегда извиняет дурной выбор его».[28]

Еще резче крайности сентиментализма осмеяны в пародийном (также переводном) «Письме к одному английскому журналисту». В нем предлагается создать десятитомный «научный труд» — «Историю слез». В первом томе должно быть изложено «Происхождение и давность слез. Их свойство прежде потопа»; во втором — «Успехи слезливости между древнейшими народами. Происхождение рыдания и хныканья»; в девятом — «Действие слез на дела природы, мистические наводнения»; в десятом — «Разделение слез на genera и species, роды и виды: на горькие, сладкие, сердечные, кровавые, умилительные и другие, химически приготовляемые в лабораториях новых путешественников и романистов. Слезные водопады чувствительности» и т. д.[29]

более ничего не хочет писать; может быть, потому, что нашел другой, более верный способ быть полезным своему отечеству» (Переписка Карамзина с Лафатером. СПб., 1893, стр. 20).

[26] Н. М. Карамзин. Неизданные сочинения, стр. 223.

[27] «Вы читали забавное Гулливерово путешествие; помните, что он заехал в царство лошадей, у которых люди были в рабстве и которые... никак не хотели верить, чтобы где-нибудь подобные им благородные твари могли служить слабодушному человеку. Эта выдумка Свифтова казалась мне странною; но, приехав в Англию, я понял сатирика: он шутил над своими земляками, которые по страсти к лошадям ходят за ними, по крайней мере, как за нежными друзьями своими» (5, 327).

[28] «Вестник Европы», 1803, ч. 9, стр. 65.

[29] Там же, стр. 20—22.